
Национальный исследовательский
Томский государственный университет
НОЦ «Музей и культурное наследие»

**МУЗЕЕВЕДЧЕСКОЕ
НАСЛЕДИЕ
СЕВЕРНОЙ АЗИИ:**

**ТРУДЫ
АЛЕКСАНДРЫ
ВИКТОРОВНЫ
ПОТАНИНОЙ**

Издательство
Томского университета
2022

СОДЕРЖАНИЕ

Жизненный подвиг Александры Викторовны Потаниной (<i>Н.М. Дмитриенко</i>)	5
Записки о моих родных и о моем детстве. <i>Публ. Н.М. Дмитриенко</i>	15
Из странствия по урянхайской земле. <i>Публ. Э.И. Черняка</i>	34
Встреча с двумя монгольскими ванами. <i>Публ. И.А. Голева</i>	60
Среди широнголов. <i>Публ. С.Е. Григорьевой</i>	77
Религиозная пляска в монастыре Кадигава. <i>Публ. К.А. Кузоро</i>	96
Гумбум, монастырь зонкавистов. <i>Публ. К.А. Кузоро</i>	103
Утай (из путевых заметок по Китаю). <i>Публ. С.Е. Григорьевой</i>	118
Из наблюдений над жизнью верхнеудинских бурят. <i>Публ. И.А. Голева</i>	133
Молочное хозяйство у бурят Верхнеудинского округа. <i>Публ. И.А. Голева</i>	142
О китайской женщине. <i>Публ. Н.М. Дмитриенко</i>	148
Список принятых сокращений	176
Именной указатель	177

ВСТРЕЧА С ДВУМЯ МОНГОЛЬСКИМИ ВАНАМИ

В Гуйхуачене, или Куку-хото, как зовут этот город монголы, мы жили долго. Отсюда начиналось наше путешествие по Монголии, на вьючных верблюдах, на собственных верховых лошадях и с собственными юртами – все это нам надо было завести, купить и нанять в этом городе. Все время в Куку-хото мы пользовались гостеприимством г. Кейла и жили за городом в доме католической бельгийской миссии. Г. Кейла был итальянец по происхождению, но уроженец Бельгии и голландец по привычкам; аккуратный хозяин, общительный и веселый собеседник, он проводил с нами все свое свободное время; с нами его сближали общие европейские интересы, а с г. Скасси*, кроме того, общие черты итальянского характера. Г. Кейла был непохож на тех миссионеров, которые поступают в миссию юношами прямо из семинарий; ранее в Бельгии он был торговец винами и многое в жизни видел и переиспытал: в миссию поступил по призванию, был очень религиозен, но как-то по-своему. Во время служения мессы он всегда имел очень восторженный или тронутый вид, но он не проводил большую часть дня за молитвенником, как это делают другие его собратья; напротив, его коренастую фигуру с массой черных с проседью кудрей на голове, в старом заштопанном китайском халате и таких же башмаках можно было встретить во всех углах его обширного двора, нередко в самом воинственном настроении, в спорах с плутоватыми китайцами, принадлежащими к его пастве. Китайцев он не любил и ставил их очень низко, но ладить с ними умел отлично.

* *Топографический офицер, сопровождавший нам (прим. автора).*

Мы занимали в миссии отдельный дом с обширным двором, что было очень удобно для наших сборов в дорогу. Рано утром 31 июля г. Кейла окропил святой водой наших животных, после чего началась вьючка. Это самая скучная и хлопотливая вещь на свете, особенно когда ваши рабочие не привыкли к вашим европейским вещам и вашим европейским требованиям. Китайцы на время путешествия сами наполовину превращаются в тюк, и потому с ними хлопот очень мало; другое дело – европейские путешественники: им в дороге нужны и фотографическая камера, и треножник для нее, и куча бумаги, и прессы для растений, все это совсем неприспособленное к укладке на спине живого существа и все, кроме того, должно быть отвязано и готово по первому требованию. Нашим рабочим было над чем поломать голову, уравновешивая всю нашу кладь на боках 15 верблюдов. Кроме всего, надо было завьючить две юрты, к чему китайцы также не привыкли. Сборы, казалось мне, тянулись невообразимо медленно и бестолково. Наконец, когда все было кончено, мы собрались все в церковь, и г. Кейла помолился за отъезжающих; затем в его келье мы распили на прощание бутылку виноградного вина из его скудного запаса и простились; впрочем, хозяин, привыкший к нам за месяц нашего пребывания у него, хотел проводить нас за город, и мы с ним сели в извозчичью повозку, мужчины ехали возле верхами, а мою лошадь вели в поводу. Грустно было расставаться с г. Кейла, последним, как думали мы, европейцем, встреченным нами на нашем пути.

Город на этот раз мы не видали, проехали предместьями. Архитектура домов здесь была несколько иная, чем в других китайских городах, постройки были из обожженного кирпича, имели более солидный вид, и в домах были окна с круглыми сводами вверху, а не просто длинная вырезка во всю стену с мелкой решеткой, как в пекинских и вообще в китайских домах. Старые здания в Куку-хото, его храмы тоже отличались оригинальностью, и некоторые из них не походили ни на китайские кумирни, ни на тибетские буддийские храмы – два типа священных построек, которые мы встречали во всех монгольских монастырях и городах.

Первая же остановка наша была в деревушке, которую населяли монголы-туметы; они занимались хлебопашеством, жили в китайских фанзах и одевались по-китайски, только женщины их счастливо отличались от китаянок здоровыми ногами и вообще здоровой рослой фигурой. Туметы относились к нам радушно и не надоедали любопытством.

На другой и на третий день шли населенными местами и останавливались в китайских постоянных дворах, в дьянах, как мы привыкли называть их. Чем ближе мы подходили к Желтой реке¹, тем оживленнее становились дороги; опять, как в Китае, на ней то и дело встречались различные торговцы с товарами, подвешенными на коромыслах. Доехали до развалин старинного монгольского города Тохто-хото; его разрушенные стены и башни были на высоком обрывистом берегу; внизу, между рекой и горой, расположился новый китайский город. На вид последний ничем не отличался от других городов, но нравы жителей здесь были другие: толпа не теснила нас, встречные уступали дорогу, не слышно было бесцеремонных замечаний вслед или даже бесцеремонного хохота. Все время, пока мы жили тут в дяне, зрители собирались на кровлях, окружающих наш двор, но вели себя так скромно и тихо, что только, взглянув вверх, вы замечали, что окружены любопытной толпой. Оказалось, что по случаю сильного разлива реки переправа через Хуан-хэ была не в этом городе, как обыкновенно, а еще верст десять ниже. Река тут очень широка и вместо желтой должна бы называться красной: вода, зачерпнутая в стакан, казалась сваренным на воде какао. Через реку мы переправлялись на лодке, а животных и вещи перевозили на небольшой барке. В Китае почти везде устроены мосты, а потому животные, лошади и верблюды не привыкли к переправе вплавь, и с ними было очень много возни. Во время переправы подошел к нам странствующий лама и хотел рассказать нам местную легенду о Тохто-хото, но, к сожалению, мы не понимали его языка. Такие полупонятые рассказы всегда очень интригуют и заставляют очень сожалеть о плохом знании языка. На этот раз мы скоро забыли эту неудачу, потому что, как только переправились на правый берег реки, так и очутились

среди роскошного луга, покрытого цветами и представлявшего богатый сбор новых растений, жуков, ящериц, ос и проч. благодати, радующей сердце коллектора-натуралиста. Луг, впрочем, был не широк, за ним сейчас же возвышались песчаные бугры с очень крутыми осыпающимися скатами. Такой же характер контрастов, где сочная луговая растительность сейчас же сменяется голым песком, носит и весь Ордос, в той по крайней мере его части, где мы его проходили. Вид таких мест очень оригинален: когда взберешься на вершину самого высокого песчаного бугра, то увидишь целые сотни подобных же холмов, тянущихся от вас во всех направлениях; это как будто огромные застывшие волны песчаного моря. Сначала вам кажется, что холмы высятся в совершенном беспорядке; потом, когда вы несколько приглядитесь к этой картине, вы заметите, что холмы имеют определенную форму, что один бок у каждого несколько более полог, а другой обрывист, но высота холмов и величина очень различны, и при том они как настоящие волны иногда набегают один на другой и тем нарушают правильность. Осмотревшись, вы начинаете замечать в некоторых склонах этих барханов слабую растительность: это или нежный, голубоватый злак, изредка раскинутый по песку отдельными травинками, или тонкий, высокий тростник, пробирающийся узкой дорожкой в один ряд по склону холма, причем его корневище ползет по поверхности как гигантский червяк или, наконец, целые группы бобового кустарника (*Hedexeroum*), нежным узором развесившего свои розовые мотыльковые цветы на тонких, совершенно безлистных ветках. Такая растительность не нарушает общего впечатления крайней пустынности. Жизнь между тем есть везде, и здесь при более тщательном осмотре ближайшего к вам пространства вы замечаете на песке, во-первых, красивую струйчатость, сделанную, очевидно, ветром, и, кроме того, узорные дорожки, сделанные лапками ящериц, и еще тоньше, как строчка, следы больших черных жуков, снующих около вас во всех направлениях; реже встречаются тропинки зайцев и лисиц.

Заблудиться среди таких песчаных холмов ничего нет легче: дорога, глубоко протоптанная в песке, скоро

засыпается, притом она беспрестанно извивается, огибая более высокие холмы, и из одной песочной ямы вы вступаете в другую, совершенно такую же; кругозор везде загорожен ближайшими холмами. К счастью, в Ордосе такие барханные пространства часто прерываются небольшими речками или озерами, берега которых или густо заросли кустарниками, или покрыты луговой растительностью. И нигде, может быть, эти зеленые оазисы не радуют так глаз, как среди однообразия барханов. Такой вид, по крайней мере, имел Ордос в лето 1884 года, когда мы по нему проходили. Дальше от Хуан-хэ самые барханы начинают несколько изменяться; часто бока их зарастают кустами темно-зеленой полыни, приятно нарушающей однообразие желтого цвета и несколько скрепляющей эту песчаную почву; иногда даже на вершинах холмов стелется низкий можжевельник со своей душистой хвоей (*Juniperus*).

Здесь, может быть, следует сказать, что называют Ордосом. Если смотреть на карту Китая и следить по ней за течением Желтой реки, то мы увидим, что почти в центре карты река эта описывает букву П – вот это пространство внутри покая² и носит название Ордоса; с юга, юго-востока и юго-запада его отделяет от Китая великая стена, скорее, впрочем, развалины этой стены. Ордос в настоящее время населен монголами, ранее тут находилось государство тангутов, называемое в китайских книгах государством Ся. Ордосские монголы разделяются на семь хошунов, или княжеств, и каждое из них управляется наследственным князем из потомков Чингис-хана. Старшинство над всеми семью князьями принадлежит старшему в роде. Ему дают титул вана, что в старинных сочинениях переводили словом царь. В настоящее время значение ванов сильно упало, и китайцы признали правителем Ордоса не старшего в роде вана, а более приноравливавшегося к обстоятельствам, следующего китайской политике князя Джунгарского хошуна.

Рассказывая об этом, г. Кейла обыкновенно говорил нам: «Вы непременно должны заехать к le roi des Ortous, он любит европейцев». Так мы и думали сделать, но пока не торопились оставить берега Хуан-хэ. Нам так надоела

жизнь в китайских городках и дьянах, что мы с величайшим удовольствием поставили здесь свои палатки и наслаждались уединением и тем, что мы сами себе господа и хозяева. В первое время с постановкой юрт у нас немало было хлопот. Наши слуги-китайцы совсем не умели взяться за эту работу, и мы должны были ставить их сами, отклоняя их услуги, потому что с их помощью у нас выходило нечто, похожее на постройку вавилонской башни, мы так плохо понимали друг друга, что в то время, как приказывали подавать веревку, слуга подавал войлок, вместо вправо, двигался влево и т. д.; при том, сколько мне известно, у французов совсем нет юрт, а мы, не зная китайского языка, со слугами своими объяснялись по-французски, хотя французского языка также хорошо не знали – лишь потому, что наши китайцы раньше служили у французских миссионеров. Благодаря ли нашему неумению ставить или, может, дурному устройству юрт, только они всякий раз показывали стремление завернуться спиралью и погребсти нас под войлоками и довольно-таки тяжелым ченгараком, т. е. деревянным кругом, заменявшим в юрте кровлю или потолок. Всякий раз мы должны были укреплять свою постройку веревками, протянутыми от ченгарака во всех направлениях к кольям, вбитым в землю, чего в правильно поставленных юртах не бывает. Ставилось обыкновенно две юрты – одна для нас, другая для Скасси, палатка для Березовского и большая синяя палатка для китайцев, известная у нас под китайским именем майхан. Таким образом, на пустынном берегу Хуан-хэ, в первых числах августа 1884 года, вырос целый лагерь. Несмотря на неудобства юрт и на то, что погода испортилась, пошли дожди, мы с наслаждением жили тут, любуясь природой; дождь не мешал нам ходить по песчаным буграм, окружающим наши палатки. Между тем китайцы наши сильно приуныли: они совсем не умели жить в этой обстановке. Наш повар не умел разводить огня на открытом воздухе, затруднялся неимением многих привычных для него вещей, а главным образом, все эти дни всем его занятиям ужасно мешал огромный дождевой зонт, с которым он не расставался ни на минуту во время приготовления обеда. Сильно также

это время беспокоила его мысль: где он будет брать дров там, где не будет базаров, на которых их продают. Пока из этого затруднения его выручал монгол-перевозчик, живший неподалеку от нас.

В Куку-хото наши китайцы были против того, чтобы мы наняли монголов-работников: они уверяли, что монголы непременно нас обокрадут, даже перережут нас всех, что это народ никуда негодный, которому нельзя поручить никакого дела, и что лучше всего, если около нас будут одни китайцы. Здесь, в Ордосе, мысли переменились; повар Цуйсан настаивал, что, по крайней мере, один монгол нам необходим, а конюх на другой же день отыскал нам монгола, на которого возложен был караул лошадей, хотя он прикомандировался к нам в качестве проводника.

Хуан-хэ мы оставили 8 августа и после двух небольших переходов на третьем увидели городок, принадлежащий джунгарскому князю. Стены из необожженного кирпичика почти не выдавались на фоне почвы такого-же серовато-желтого цвета; только несколько деревьев, видных из-за стен, оживляли картину и указывали, где находился дом самого князя. Не доходя версты до города, мы нашли колодец и остановились лагерем возле него. Во время постановки юрт из города вышли монголы и китайцы; первые смотрели солидно, вторые, как оказалось, были слуги князя. Монголы были приятно удивлены, когда мы обменялись с ними приветствиями на их родном языке; впрочем, дальше стереотипных фраз при встрече наши разговоры не пошли; мы отчасти забыли монгольский язык, отчасти в Ордосе он несколько иной, чем в Халхе. К князю были посланы визитные карточки; на них князь написал по-китайски приглашение пожаловать в четыре часа. После очень короткого визита муж мой и г. Скасси вернулись очень довольные приемом князя. Он обещал всякое содействие экспедиции, но по азиатскому обычаю все это откладывалось в долгий ящик, и пока мы должны были жить среди степи, не представлявшей ни малейшего интереса для натуралиста. Взамен флоры и фауны мы могли бы наблюдать окружающих нас людей, но, надо прибавить, если бы лучше знали их язык.

На другой день к вечеру явился сам старик-князь. Он сделал этот визит как бы случайно во время прогулки: одет был в белый халат из чесучи и в обыкновенную домашнюю шапочку, а не в мандаринскую шляпу с шариком, обязательную при официальных визитах. С ним были его два сына, молодые люди лет за двадцать. Князя окружала толпа его чинов и слуг. Старик вошел к нам в юрту, его сыновья отправились в юрту Скасси: китайский этикет не позволяет сыну сидеть в присутствии отца, а в нашей юрте стоять можно было только в самом центре; потому и остальная свита князя должна была остаться на открытом воздухе, исключая двух-трех человек.

Лицо князя было желтое, болезненное, и он был худ, как скелет; после мы узнали, что он отчаянный курильщик опиума, совершенно расстроивший свое здоровье куреньем. Приятные манеры и очень умные глаза всем нам очень понравились в князе. Он с удовольствием осмотрел инструменты, книги, географические карты, которые мы показывали ему, и расспрашивал о целях и задачах путешествия. Узнав о том, что с нами есть фотография, он пожелал, чтобы с него и его семьи были сняты портреты; для занятий фотографией он обещал приготовить комнату в своем доме.

Молодые князья и после много раз приходили в наш лагерь, заходил и сам старик поговорить, насколько сумеем, и посмотреть европейские вещи. Они все продолжали мне нравиться; в их манерах было много простоты, радушия, не было видно китайского пренебрежения к иностранцам, всегда просвечивающего сквозь условную китайскую вежливость, не было также и глупого удивления перед европейскими изобретениями, так надоедающего обыкновенно при сношениях с полудикарями. Видно было, что многое они видели и знают; оба юноши не раз бывали в Пекине и у себя принимали миссионеров-европейцев.

Неприятно только было видеть, что держали они себя большими барами; за каждым из молодых людей ходило несколько слуг: один носил на руках маленькую собачку князя, другой – кисет с табаком и трубку, третий – дождевой зонт и т. д.

Кроме сыновей князя, к нам в лагерь приходила иногда младшая жена его, купленная жена, как назвал ее наш переводчик, китаец Ли. На вид ей иногда можно было дать лет восемнадцать, в другой – тридцать; она была очень симпатична, а правильные черты лица, очень нежный цвет кожи и большие черные глаза делали ее очень хорошенькой даже и с европейской точки зрения, только неестественный блеск глаз и нездоровый румянец заставляли думать, что она чахоточная. Она носила девичью прическу, т. е. распускала по-русски заплетенную косу по спине, одевалась просто и держалась с большим тактом как с нами, так и с своими взрослыми пасынками и с прислугой, которая окружала ее и ее сына, мальчика лет семи. Разговаривать с ней мы могли лишь через переводчика, который знал всего несколько слов по-русски, да и то кахетинского чисто условного наречия; тем не менее я не могла не заметить, что все ее вопросы были очень умны, что у нее есть склонность наблюдать и сравнивать известную ей китайскую цивилизацию с нашей.

Обыкновенно все сношения с дамами в Китае меня страшно тяготили; мне всегда было ясно, что, удовлетворив своему любопытству внимательным осмотром вашей наружности, убедившись, что русские женщины не отличаются резко в этом от китайянок, осмотрев затем особенности вашего туалета, китайская барыня утрачивает всякий интерес к вашей особе. Здесь у этой молоденькой женщины было нечто другое: кроме простого любопытства, высказывалась любознательность, виделось человеческое участие и требовалось взамен то же. Видно было, что общество умного старика не осталось без влияния для этой молодой особы и сделало ее заметно развитее всех тех китайянок и монголонок, которых я встречала ранее. Но эта же близость к мужу принесла ей и большой вред: она сделалась такой же курильщицей опиума, каким был князь, и здоровье ее пострадало. Мне казалось, что молодая женщина сама понимает, что жить ей осталось недолго; мысль о скором сиротстве мальчика проглядывала, мне казалось, в ее горячих ласках к сыну. Мальчик бойкий и смотрел монголом: мать тоже, вероятно, была

из монгольского семейства, ноги ее не были изуродованы, но родилась и выросла она в Пекине.

После визита князя мы были приглашены к нему. Дом у него был выстроен за городом и, по китайскому обычаю, был окружен дворами и садами: у главных ворот высокие мачты с флагами и оригинальным символическим украшением в виде нашей пасхальной сырницы на половине их высоты показывали высокое значение владельца дома. На дворах, по которым мы проходили, были цветники, а на последнем даже яблонные и персиковые деревья и галерея, увитая виноградной лозой. Дом был сложен из квадратных светло-серых кирпичей и имел большие везде стеклянные окна, что в Китае встречается очень редко. Комната, в которой князь принимал нас, кроме китайского кана³, застланного пунцовым сукном, была наполнена мебелью из резного черного дерева, украшена большими фарфоровыми и эмалевыми вазами, китайскими фонарями, спускавшимися с потолка, и множеством разных других вещей, причем только столовые часы и зеркала были европейского происхождения. Какие-то свертки, сложенные на кане, раскрытые книги, маленькие столики в разных углах, поставленные ради удобства, придавали этой богато убранной комнате жилой вид, чего так недостает в приемных комнатах у богатых китайцев. В одной из следующих комнат я видела слесарный станок, на котором, говорят, князь любит работать; в другой помещается библиотека из китайских и монгольских книг; третья наполнена часами, последние составляют слабость князя, и, говорят, он проводит целые часы в разборке их механизмов; при доме живет особый часовой мастер-китаец. Такая обстановка показывала, что роскошь, окружающая князя, не была только выставкой его богатства, но выражала также и личные вкусы владельца. Сыновья князя принимали нас вместе с ним, а когда подали чай, пришла и его молоденькая жена. Меня очень затрудняло в этом визите то обстоятельство, что ни сыновья князя, ни его жена не сидели в его присутствии все время. Скоро меня пригласили в комнату княгини. Она была еще не старая женщина, очень богато и с большим вкусом одетая в шелковые халаты нежных цветов, волосы были

* Так в тексте, нужно – маньчжурской.

причесаны по манджурской* моде в очень за-тейливый шиньон с искусственными цветами, а ноги обуты в расшитые золотом туфли, на подошве вершка в полтора высотой. Лицо у нее было не красиво, а главное, холодно, не симпатично, манеры тоже очень чопорны. Смотря на нее, я не удивилась, что у князя явилось желание завести себе другую, будничную жену. В комнате княгини было несколько дам: жена второго княжеского сына, молоденькая манджурка, старуха, ее мать, и девочка лет двенадцати, воспитанница княгини; она, несмотря на манджурскую выправку, сохраняла непринужденность монгольской девочки и несколько оживляла это чинное общество.

В комнате было также много предметов китайской роскоши, но они больше свидетельствовали о трудолюбии художников, чем о вкусе их; была, например, тут одна картина, составленная из перламутра и кусков разноцветного зеленого нефрита; последний материал настолько неподатлив при обработке, что деревья, из него сделанные, очень мало походили на настоящие.

Княгиня была в этом доме временно, по случаю приема гостей; жила она в другом доме в городке. Разговаривать нам через Цуйсана было не очень удобно, мы проводили время в рассматривании фотографических видов Пекина и других местностей, за которыми посылали к нам в юрту. Скоро дамы перестали обращаться с вопросами ко мне и предпочитали вести беседу прямо с Цуйсаном, расспрашивая его о нас и нашей жизни.

На другой день княгиня пригласила меня к себе обедать. Дом, в котором она жила, был старой постройки и, может быть, деревянный, полы в нем покосились, колонны тоже. Особенной роскоши здесь не было заметно: все вещи имели вид давным-давно бывших в употреблении; но для меня, у которой дома – в смысле постоянного жилья – уже давно не было, этот вид старого дома очень нравился. Княгиня и княжна опять были очень нарядны и в цветах, но теперь они держались несколько проще. Цуйсана мы скоро отпустили от себя и, хотя не могли разговаривать, но чувствовали себя свободнее без этого наблюдателя, объяснялись

пантомимами, не стесняясь, осматривали наряды друг друга. Княгине очень нравились европейские кружева; ее белье было из бумажной ткани и ничем не отделано. Туалетные вещицы были сложены в витрины, как в магазинах; среди браслетов, колец и прочего лежала засохшая роза, по-видимому, украшавшая некогда ее шиньон, и странное дело – этот вид старого букетика, положенного тут как будто на память о каком-нибудь дне или, может быть, даже встрече, вдруг приблизил меня к этой холодной и чопорной барыне-манджурке.

В моем воображении создался целый роман. Знатная маньчжурская девушка, жившая при дворе или, по крайней мере, в столице, должна была выйти замуж за монгола, живущего где-то в песчаных степях за стеной, куда нужно было ехать уже не в портшезе⁴, а, может быть, на верблюдах. Их брак она, конечно, понимала – это была лишь политическая комбинация, и ей, может быть, с первых же шагов в новой семье пришлось встретиться с женщиной, занимавшей в сердце мужа принадлежащее ей по праву место. Вот, может быть, почему лицо княгини и носит такой замороженный характер, думалось мне.

В доме князя, в его жизни сохранилось еще много монгольского; хозяйством заведовала в качестве экономки старая монголка, бывшая няня старших князей. Без гостей здесь все, кроме княгини, пили монгольский кирпичный чай с жареным просом вместо хлеба, как это делается во всех домах Ордоса, а летом пили тарык, т. е. особый напиток из кислого молока, какой готовится во всех окрестных юртах. При мне в комнату княгини приходили князь и его сыновья; с ними я могла несколько говорить, припоминая монгольские слова, сохранившиеся в памяти от прежних путешествий. Старый князь, узнав, что я люблю тарык, велел принести мне, и мы с ним угощались этим национальным блюдом. Перед обедом мужчины ушли. Княгиня, как мне сказали, тоже курила опиум, и потому меня пригласили идти в комнаты второй жены князя. Здесь было до крайности неуютно и видно было, что хозяйка комнаты мало живет в новом доме князя, где мы были накануне. Здесь, в этом

зброшенном углу на первом плане также встретился прибор для курения опиума, и это произвело на меня тяжелое впечатление; я рада была, когда опять получила приглашение воротиться в комнату княгини. Там следов куренья опиума уже не было видно, напротив, была жизнь: болтала и смеялась девочка-воспитанница, няня хлопотала с приготовлениями к обеду, на кане спала маленькая собачонка княгини, на столиках лежали женские рукоделия.

Обедали мы с княгиней только вдвоем. Обед был китайский и по-китайски сервирован; княгиня, видя мое затруднение с круглыми палочками, велела подать мне четырехгранные, которыми было несколько удобнее ловить рис и прочую мелочь с китайских блюдец.

Жизнь этого дома, насколько мне удалось наблюдать ее, дала бы прекрасный материал писателю исторических романов из эпохи нашей петровской реформы: с одной стороны, монгольская обстановка жизни с простотой и бесцеремонностью нравов, продолжаемая всеми домочадцами; с другой – новая, более утонченная культура, насильно навязанная по воле главы семейства. У нас это была культура европейская, там, в доме джунгарского князя, китайская, но такая же чуждая и многим ненавистная.

Говорят, что все остальные князья в Ордосе не любят джунгарского князя как приверженца китайских порядков и новатора. Увидать, как живут приверженцы старых порядков, нам не удалось. Настоящий ван ордосский не захотел нас принять, когда мы были у него в хошуне. Он большой староввер, говорят. Только впоследствии, уже на возвратном пути в Россию, когда мы от озера Кукунор шли прямо на север, на самой границе Гобийской пустыни, разделяющей Монголию на южную и северную, мы встретили другого монгольского владетельного князя, вана племени торгоут⁵.

Здесь все было иначе, чем в Джунгарах. Ван жил так же, как и все его подданные, чисто пастушеской жизнью, в юртах, перекочевывая несколько раз в год. На границе торгоутской земли были китайские города и деревни, были пашни: китайцы, кроме пшеницы и гороха, сеяли на них даже рис и хлопчатник, хотя и тот и другой родились тут

плохо; в деревнях и городах встречались фруктовые деревья – все это исчезло вместе с последними китайцами. В торгоутской земле кругом не было видно ни домов, ни пашен, под ногами была галька и кустики плохой травы, да по берегу большой реки Эдзин-гола, вдоль которой мы шли, тянулись неширокой полосой луга, с жесткими злаками и иногда камышом; изредка встречались рощицы старых корявых тополей, и под ними обыкновенно были видны две-три бедные торгоутские юрты. Несмотря на такой вид страны, мы рады были оставить культурный Китай и с удовольствием встречали монгольских всадников, неизменно всегда обменивавшихся с нами своими приветствиями «Менду! Амурсаик!». Звуки мало для нас понятные, но тем не менее их приятно было слышать.

У торгоутского вана мы рассчитывали отпустить китайских возчиков на телегах и нанять верблюдов для перехода через Гоби. Переговоры по обыкновению затянулись, и мы зажились на берегу Эдзин-гола. Между нашим лагерем и ставкой вана, которую можно было видеть от нас в бинокль, завязались частые сношения, сначала через прислугу. Когда переговоры приближались уже к благополучному концу, торговля через посредников кончилась и ван побывал у нас в лагере, получила и я приглашение приехать к жене вана. Зная, что меня ждет уже знакомая мне монгольская обстановка, я не очень волновалась, гораздо меньше, чем тогда, когда приглашение получалось от какой-нибудь китаянки, где я ожидала встретить тысячу непонятных мне церемоний. Старик Сандан-джимбе и мне оседлали наших лошадей, и мы отправились; на полдороге нас встретил какой-то молодой человек, брат княгини, как я узнала впоследствии. Вид вановской стоянки не имел в себе ничего внушительного, он походил на всякий другой аул, состоящий из нескольких юрт. Правда, войлоки на двух-трех юртах отличались белизной, зато остальные юрты имели обычный закоптелый и некоторые даже совсем растрепанный вид, как жилища бедняков в Монголии. Перед одной из белых юрт стояли торчаки, т. е. мачты, как и перед домом джунгарского князя. Оживления в лагере при нашем приближении не было

заметно, напротив, люди как будто куда-то попрятались; впрочем, две женщины подошли помочь мне сойти с лошади и провели нас в юрту, где никого не было и ничего не было из того, что обыкновенно бывает в жилых юртах. Не успела я выслушать от старика объяснение, что эта юрта заменяет здесь приемную для просителей или служит канцелярией, как нас позвали куда-то дальше; мы перешли к следующей, самой большой юрте, и у дверей ее меня встретила высокая монголка, за халат которой цеплялось четверо ребятишек. По костюму, по тому, что она встретила меня на улице, и по застенчивым манерам я приняла эту женщину за няню или за приближенную слугу княгини; но в юрте, когда она усадила меня и сама села напротив и стала занимать меня разговорами, я начала думать, что это и есть сама княгиня. Чтобы убедиться в этом и видя, что в обстановке юрты все показывало, что женщина не живет тут, я рискнула предложить вопрос: «Не пойдем ли мы в юрту княгини?». На это мне ответили: Нет, будем-те лучше здесь сидеть». И я поняла, что женщина в нанковом халате, довольно-таки позатаканном, в грубых кожаных сапогах и есть сама княгиня и что мальчики и девчонки в таких же халатах и сапогах – дети вана. Княгини в халате цвета крем и в золотом расшитых туфлях здесь, очевидно, я не могла рассчитывать встретить. Вместо каменного дома, наполненного предметами роскоши и культуры, у вана приемная юрта выказывала некоторую претензию на роскошь в обстановке, впрочем, она только еще сильнее выдавала его бедность. Здесь, например, стены были обтянуты пунцовой шерстяной материей, чего не бывает у простых монголов, и главное место против очага занимало низенькое кресло с пунцовыми же подушками, это, по-видимому, было место самого вана. Киотка с бурханами⁶ и китайские лакированные сундуки по стенам представляли уже обычное явление во всех зажиточных юртах. Пол покрывали кошмы, обшитые дабой⁷. Самой заметной особенностью юрты, может быть, следовало признать то, что очаг в ней был обделан в дерево и на нем стояла круглая железная печь. Это нововведение еще очень недавно распространилось в Монголии и встречается не часто.

В юрту вошло несколько монголов с шариками на шапках; перед нами поставили скамеечки, заменяющие столы, и стали подавать чай в фарфоровых чашках. Все это было так же, как и во всех других юртах, разве только, что печенье у обыкновенных обывателей случалось в юртах лишь раз в году, в праздник, но, может быть, оно и здесь подавалось только ради гостей. После чая нам в тех же чашках подавали пельмени. Хозяйка дома почему-то не пила чай с нами, и я подозреваю, что фарфоровой посуды в доме больше не было и что обыкновенно у них употребляются деревянные чашки.

Чиновникам скоро надоело играть в гости, и они ушли и увели моего Сандан-джимбу угощать кумысом. После этого наша беседа с княгиней пошла успешнее. Я отдала ей маленькие подарки, которые привезла для нее; ими сейчас же завладели дети, и пока они были заняты этим, мы пробовали занимать друг друга, говорили о погоде, о жаре, о мошках, от которых житья нет на берегах Эдзин-гола; говорили о том, что рынок от их мест очень далеко, за всем, что им нужно, раз в год они посылают через Гоби в Куку-хото, – там главный рынок монгольских товаров. Княгиня сравнивала мою странствующую особу с собой, которая не видела ничего, кроме своих степей. Я спрашивала, применяясь к обстоятельствам, начинает ли ее старшая девочка приучаться к хозяйству, на это мне отвечали, что «овец она уже может доить, но коров еще нет». Княгиня прямо не жаловалась на бедность, но ее печальный вид, старые халаты и стоптанные сапожки ребятишек, убранство юрты, которой старались придать, возможно, торжественный вид, все это очень красноречиво говорило о бедности и о том, что и в степи величие без соответствующего – вещь нелегкая. Особенно поражали нас своим попрошайничеством и своими лохмотьями слуги князя: они часто являлись в наш лагерь и просили еды и, главным образом, всякого платья. Как ни обносились наши рабочие за время дороги, они все еще находили возможным отдавать свои обноски княжеской прислуге.

Торгоутам, должно быть, предстояло переходить к земледелию: держать много скота на таких пустынных местах,

какие мы видели, положительно невозможно; луговые места по реке скудны и кишат комарами; летом скот тут не держат, угоняют куда-то в горы.

Торгоуты не походили ни на ордосцев, ни на халха⁸, которых мы знали ранее; они отличались необыкновенной для монголов словоохотливостью, юркостью и многие были очень плутоваты. Некоторые в своих разговорах, по-видимому, даже щеголяли некоторой картинностью речи и красноречием, чего я не встречала у других монголов.

Узнать торгоутов несколько больше мне привелось во время нашего дальнейшего путешествия. У вана мы взяли верблюдов и проводников до монастыря ламы Гегена и шли с ними чуть ли не целый месяц.

Впервые опубликовано: *Русское богатство*. СПб., 1890. №1. Пагинация 1, с. 19–34.

КОММЕНТАРИИ*

* Сост. по: Даль В.И.
Толковый словарь живого
великорусского языка:
в 4 т. 10-е изд.
М., 1989. Т. 1–3;
ресурсы Интернета.

¹ Желтая река – так в переводе на русский А.В. Потанина обозначает реку Хуан-хэ.

² Покой – название буквы П в старом русском алфавите.

³ Кан – обогреваемая лежанка.

⁴ Портшез – переносное кресло, предназначенное для транспортировки людей.

⁵ Торгоуты – монголы, проживающие на северо-западе Китая и в Западной Монголии.

⁶ Киотка (киот) с бурханами – подставка, столик, для икон, в данном случае – со скульптурными изображениями Будды и других божеств.

⁷ Даба – китайская хлопчатобумажная ткань.

⁸ Халха – народ, составляющий основное население Монголии.